

The background of the cover is a detailed illustration. It features a man with long, flowing white hair tied in a ponytail, wearing a dark, high-collared coat. He is looking down at a woman with dark hair styled in an updo. The woman is looking up at him, and he is gently touching her chin with his finger. The scene is set in a grand, dimly lit room with a large chandelier hanging from the ceiling. Red, glowing energy lines or magical sparks are visible in the air around the couple.

МАЙАРАНА МИСТЕРУ

АКАДЕМИЯ МИСТИКОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ ПАНТЕРЫ

Майарана Мистеру

Академия мистиков.

Ловушка для пантеры

<https://litres.ru/74345932>

Аннотация

В нашей академии всё просто: мы, светлые, — живые щиты на продажу . Они, тёмные, — убийцы, которые на нас охотятся. А Блад — самый жестокий из них, мой личный кошмар, который когда-то убил моего подопечного. И что вы думаете? Я еле выживаю на итоговом тесте, а ректор объявляет, что я еду на императорский бал... с ним! Этот гад всё подстроил, чтобы заполучить меня , но он, кажется, забыл, что я не ручная киска, а Пантера.

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	23
5	34
6	37
7	45
8	48
9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

1

Воздух этой ночи был пропитан ароматом тревоги. Густым, липким, осевшим на коже невидимой плёнкой.

Каждый вдох наполнял лёгкие этим ощущением опасности, заставляя нервы натягиваться, словно струны перед срывом. Сердце громко стучало в груди, отдаваясь гулким эхом где-то в висках, но я всё равно контролировала подступающую панику, намертво зафиксировав взгляд на пламени небольшого костра.

Его языки танцевали в темноте, отбрасывая причудливые тени на стволы деревьев, и в этом танце мне виделась силуэты врагов.

Времени оставалось мало. Всего сутки, чтобы добраться до цели – до того проклятого финиша, который означал окончание теста и возможность наконец выдохнуть. Но пугало меня вовсе не это. Не расстояние, не усталость, копившаяся в мышцах тяжёлым грузом.

За нами был хвост.

Я чувствовала это всей кожей, каждой клеткой натренированного на опасность тела. Тёмные шли, или шёл – точно определить не удавалось – след в след, словно тень, намертво прилипшая к нашим спинам.

И меня нервировало, что они, или он, не давали о себе знать открыто, не атаковали, не пытались сократить дистан-

цию для удара. Будто выжидали какого-то особенного момента для нападения, рассчитывали идеальную секунду, когда моя концентрация даст слабину. Это ожидание выматывало сильнее любого боя.

– Мне кажется, я что-то слышал, – прошептал полноватый мужчина по имени Ковэрн, сидящий по другую сторону костра.

Голос его дрожал, выдавая страх, который он пытался спрятать за показной храбростью. Он прекрасно видел, как настороженно я вслушиваюсь в звуки ночного леса, как напряжены мои плечи, как пальцы сжимают тонкий прут до побелевших костяшек.

Трус. Обычный, заурядный трус, каких в моей практике было немало.

За время нашего короткого знакомства, длившегося всего три дня, но ощущавшегося как вечность, я сделала чёткий вывод, что мне подсунули самый сложный вид объекта из всех возможных.

Трусливый, абсолютно не способный защищаться самостоятельно, постоянно готовый к бегству без оглядки, к панике в самый неподходящий момент.

Насколько я поняла из его нервных монологов и жалоб на судьбу, в прошлом он был какой-то чинушей соседнего королевства, привыкшей к мягким креслам и тёплым кабинетам. Из обрывков его собственных фраз, которые он ронял в минуты особого страха, сложилось впечатление, что мужчи-

на был неугоден нашей империи по каким-то политическим причинам, вот его и отдали на заказ академии. Это стандартная практика избавления от неудобных фигур.

Я крутанула в пальцах тонкий прут, ощущая шершавую кору под подушечками, и прислушалась к звукам леса, отфильтровывая каждый шорох, каждое движение воздуха. Но кроме монотонного стрёкота насекомых, вечного ночного хора, и тихого трепетания крыльев ночных охотниц – сов и летучих мышей, выслеживающих добычу в темноте, – я ничего не услышала. Ничего подозрительного, ничего угрожающего. Но отсутствие звуков не означало отсутствие опасности. Тёмные уметь двигаться бесшумно, словно призраки.

– Не накручивайте себя, – произнесла я ровным тоном, стараясь вложить в слова уверенность, которой сама не ощущала. – Там никого нет.

Паника мне от него совсем ни к чему, абсолютно не нужна в нынешней ситуации. Я и так уже третьи сутки в постоянном напряжении, на пределе возможностей.

И если физическая нагрузка меня никак особо не изводит – тело привычно к длительным переходам, к бессонным ночам, – то непрекращающаяся готовность сражаться и постоянная концентрация, необходимость держать все чувства обострёнными каждую секунду, вытягивали все силы без остатка, высасывали энергию, как пиявки кровь.

Нужно поспать. Хотя бы пару часов, чтобы восстановиться, дать измождённому организму передышку. Вот только

вся проблема заключалась в том, что я не знаю, в какой именно момент они, или он, решат напасть.

Может, через час, может, через минуту. А мгновенно перейти из состояния глубокого сна в боевое, со всеми обострёнными рефлексами и готовностью к защите, я буду неспособна.

Такого не умел никто из щитовиков, даже самые опытные. Нам требовалось время на пробуждение, на то, чтобы сознание прояснилось. И если первым делом угробят объект, пока я буду выбираться из лап сна, то тест будет безнадёжно завален, провален с треском. А его завал автоматически сместит меня со с трудом завоёванной пятой позиции среди щитовиков всего выпуска, что крайне плохо, катастрофически плохо скажется на выстраданной годами тяжёлых тренировок репутации. Всё будет насмарку.

– Если всё в порядке, может, мы поедим? – снова подал голос Ковэрн, и в его интонации прозвучала жалкая надежда на нормальность, на обычный ужин у костра.

Я кивнула, чувствуя, как предательски слипаются глаза, веки наливаются свинцовой тяжестью, и потянулась к потёртому рюкзаку, в котором оставалось провизии всего на два дня скудного пайка.

Сама на еду я принципиально не налегала, даже когда желудок сводило от голода, потому что намеренно держала организм в стрессовом состоянии – так обостряются все чувства, так интуиция работает лучше. А вот объект старалась

кормить регулярно и достаточно, дабы он набирался сил и энергии, мог идти дальше без постоянных жалоб.

И спать заставляла его положенные часы, хотя подобное возбранялось среди большинства практикующих, как светлых, так и тёмных мистиков – те предпочитали держать подопечных в полусонном состоянии для лучшего контроля. Но у меня на этот счёт было своё собственное мнение,работанное практикой, которое я никому не навязывала и не афишировала.

Выспавшийся и нормально накормленный объект, как правило, оказывался полон не только физической энергии, но и силы духа, решимости двигаться дальше, что позволяло и мне не нервничать лишний раз, не тратить силы на подгонку и угрозы, и ему самому быстрее передвигаться без понуканий и меньше ныть по каждому поводу.

Вытащила из рюкзака остатки чёрствого хлеба и глиняный горшочек с жарким – мясо с овощами, пропитанное специями. Пожалуй, единственная настоящая радость во всей нашей суровой академии – это действительно вкусная еда, приготовленная умелыми поварами, от одного запаха которой слюни непроизвольно текли, а желудок скручивался в предвкушении.

Когда тяжёлый горшочек был аккуратно помещён прямо в угли костра на медленный разогрев, я уже отчаянно боролась с собственными непослушными глазами, которые закрывались сами собой, против воли.

Похоже, тут совсем без вариантов, деваться некуда. Я могу сколько угодно применять разные способы для взбадривания собственного измотанного организма – специальные дыхательные техники, точечный массаж, ментальные упражнения, – но самым эффективным, самым лучшим средством всё равно останется обычный сон. Банальный, примитивный отдых. Недосып критически плохо сказывается на концентрации внимания, на скорости реакции, а для щитовика это смерти подобно.

Я поднялась, разминая затёкшие ноги, и медленно прошла по всему периметру нашей небольшой стоянки, проверяя защиту. Внимательно осмотрела выставленные метки – маленькие узелки энергии на деревьях, проверила натяжение звонкой сети – тонких нитей, которые должны были зазвенеть при прикосновении, и сигнальную струну, протянутую между кустами на уровне щиколоток.

Вот только тёмные мистики знают абсолютно все уловки светлых, все наши хитрости и ловушки – нас учат одни и те же мастера, по одним и тем же принципам. Вряд ли проникнувший на нашу территорию попадётся на такую примитивную глупость, на ловушки первого уровня. Это был бы абсолютный, позорный завал теста с его стороны.

На вторые сутки испытания в игре остаются только самые лучшие, самые подготовленные и хитрые адепты, что прямо говорит о том, что дураков и неумех с той, тёмной стороны уже не осталось, а значит, и у нас практически ноль шансов

на спокойное пробуждение в случае внезапного ночного нападения.

– Ковэрн, – позвала я тихо, и мужчина вздрогнул, – мне остро необходимо поспать хотя бы час или два, не больше. Твоя единственная задача – сидеть молча, не шуметь и подать голос, громко крикнуть, если что-то увидишь или услышишь подозрительное.

Он поднял на меня свой вечно испуганный маслянистый взгляд, в котором плескался неприкрытый ужас, и громко, нервно сглотнул, кадык дёрнулся под дряблой кожей.

– А если...? – начал он жалобно.

– А если «если», – перебила я резко, – то просто кричи что есть мочи. Я проснусь.

Подопечный часто закивал, соглашаясь, и я, не дожидаясь дальнейших вопросов, устроилась поудобнее у костра, подложив под голову свёрнутую куртку, и блаженно прикрыла глаза, отпуская напряжение. Уснула почти мгновенно, проваливаясь в сон стремительно, падая в вязкую, манящую внутреннюю пустоту забытья, где не было ни страха, ни ответственности, ни погони.

Ночь звёздная, удивительно ясная. Полотно бескрайней черноты, раскинувшееся над головой от горизонта до горизонта, щедро усыпанное негаснущими искрами далёких светил, так и манит взгляд утонуть в бесконечном созерцании этой красоты.

Млечный Путь прочертил небосвод серебристой рекой, а созвездия выстроились в привычные узоры, которые я знал с детства.

В такие моменты почти забываешь о цели, о задании, о том, зачем вообще находишься здесь, в ночном лесу.

Я невольно улыбнулся, позволяя губам изогнуться в довольной усмешке, и подумал о том, что таких по-настоящему приятных выходных у меня, пожалуй, никогда раньше не было за все годы обучения в академии.

Обычно тесты – это рутина, скучная необходимость, демонстрация навыков перед профессорами. И не так уж сложно было их организовать именно так, как мне хотелось, всего-то нужно было выбрать правильную цель в самом начале и методично следовать за ней по пятам, сохраняя дистанцию, позволяя делать всё, что вздумается, не вмешиваясь раньше времени.

Наблюдение за ней оказалось увлекательнее любой охоты. Я медленно повернул голову, стараясь не производить

лишнего шума, чтобы взглянуть на соседей по лесу, и удовлетворённо усмехнулся, ощущая, как уголки губ приподнимаются под маской.

Она всё-таки решилась поспать, пересилила свою параноидальную осторожность и недоверие. Правильное, единственно верное решение в её положении – сон остро необходимым уставшему, измотанному до предела организму. Иначе завтра она просто не дойдёт до финиша, свалится где-нибудь на полпути.

Что ж, настало время. Пора мне наконец поближе, по-настоящему узнать свою неуловимую пантеру, эту дикую кошку, которая вот уже три дня водит меня по лесу.

От одного только ощущения, от предвкушения того, что я смогу наконец спокойно взглянуть на неё в упор, без опаски быть замеченным, и ощутить её запах – тот самый, тонкий аромат, который был практически недоступен всё это проклятое время из-за необходимости держать дистанцию, – где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, заворочалось странное, незнакомое мне доселе чувство. Нечто тёплое и одновременно тревожное, заставляющее сердце биться чуть быстрее обычного.

Я бесшумно поднялся с места, стряхнув с одежды прилипшую хвою, и привычным отработанным движением стянул длинные волосы в тугий хвост на затылке, чтобы не мешали обзору.

Затем, скрыв нижнюю половину лица рабочей маской

– обязательный любого тёмного мистика на задании, – я неслышно, словно призрак, пошёл к парочке у костра, намеренно обходя объект светлой со спины, с той стороны, где его толстая тушка загораживала меня от девушки.

Одним точным, выверенным ударом ребром ладони в висок я мгновенно вырубил толстяка – он даже охнуть не успел – и осторожно, бесшумно положил его обмякшее тело на землю, устроив так, будто тот просто заснул на посту. После чего, не теряя ни секунды, сразу же направился к спящей девушке, к главной цели этого ночного визита.

Не спала она явно гораздо больше трёх суток, как минимум четверо, а то и все пять дней. Это жестокое, изматывающее переутомление буквально чувствуется уже на расстоянии нескольких шагов – в том, как она дышит, в напряжении, которое не покидает тело даже во сне, в тёмных кругах под глазами.

Готов поспорить на что угодно, что и сейчас бы упрямо спать не легла, продолжала бы нести вахту, если бы не ощутила дикий, сокрушительный упадок сил, который просто вырубил её сознание.

Телохранители, особенно опытные щитовики, способны искусственно взбадривать собственное измождённое тело неделями подряд, используя специальные техники и ментальные практики. Но здесь налицо полное изнеможение, предел человеческих возможностей.

Она выжала из себя всё.

Я присел на корточки рядом и осторожно, едва касаясь, коснулся кончиками пальцев гладкой пряди её тёмных, почти чёрных волос. Поднёс прядь к самому носу, приоткрыл рот и глубоко, полной грудью вдохнул её аромат, стараясь запечатлеть в памяти, накрепко запомнить этот тонкий, индивидуальный запах щитовика – смесь пота, дыма от костра, хвои и чего-то ещё, сладковатого, что принадлежало только ей.

Затем заставил себя отпустить прядь, разжав пальцы. Едва уловимая сладость её аромата словно въелась в мозг, отпечатавшись в сознании, и я знал, что теперь найду её где угодно, в любой толпе, по одному только запаху.

Бегай, моя дикая пантера, пока есть возможность, пока у тебя ещё остаются силы. Наслаждайся этой иллюзией свободы. Чуть позже, совсем скоро, я вплотную займусь и тобой, уделю всё своё внимание. У меня на тебя грандиозные, далекоидущие планы, о которых ты пока даже не догадываешься. И эти планы не имеют ничего общего с обычным тестом.

Я оглянулся через плечо и случайно увидел в угасающем костре глиняный горшочек с едой из академии, ещё слегка дымящийся. Неужели она только своего бесполезного подопечного кормит досыта, а сама голодает? Какая глупая самоотверженность.

Я бросил короткий мимолётный взгляд на распростёртого на земле толстяка и едва сдержался, чтобы не рассмеяться вслух от иронии ситуации. Ему определённо не помеша-

ет немного поесть собственные жировые запасы, поголодать для пользы здоровью, а вот хрупкой девушке, которая явно не ела последние сутки, было бы совсем неплохо как следует подкрепиться, набраться сил перед завтрашним переходом.

Жаль, что заставить её не могу, не имею права вмешиваться настолько грубо – правила теста, – так бы ни секунды не раздумывал, накормил бы насильно.

Посмотрев на спящую девушку в самый последний раз, запоминая каждую черту её лица в неровном свете костра, я неохотно оторвался от созерцания и бесшумно отправился прочь, на поиск других участников теста – нужно было проверить их местоположение, скорректировать свои планы. У меня оставалась ещё куча работы этой ночью.

– Увидимся совсем скоро, кошечка, – хмыкнул в ночную тишину, уже растворяясь в тенях между деревьями.

В сознание я приходила крайне неохотно, словно сопротивляясь пробуждению, буквально через силу заставляя себя открыть тяжёлые, налитые свинцом веки.

И была едва не морально размазана, раздавлена увиденной картиной, которая предстала передо мной в утреннем свете.

Ковэрн мирно спал на земле, раскинувшись в неудобной позе, а в почти погасшем костре безнадёжно догорало жаркое, превратившееся в обугленную массу.

То есть, получается, он совершенно спокойно себе спал всё это время, пока я отдыхала, забыв о единственной возложенной на него обязанности, которая состояла в том, чтобы элементарно бодрствовать.

– Эй! – гневно рявкнула я, срываясь на крик и швыряя в бесполезного охранника щедрую пригоршню подхваченной сухой земли вперемишку с золой. – Ковэрн, демоны тебя сожри! Я же ясно сказала, что мне нужно поспать всего-навсего пару часов, максимум два! Неужели так трудно было просто посидеть и...

Мужчина сонно, с трудом разлепил припухшие глаза и затуманенным взглядом медленно огляделся по сторонам, явно пытаясь сообразить, где находится и что вообще происходит.

В области его левого виска я мгновенно заметила тёмный, наливающийся багровым синяк, и меня буквально окатило ледяной волной. Я похолодела от волны накатившего всепоглощающего ужаса, пробирающего до костей.

Я завалила тест! Провалила его с треском!

Нет-нет-нет-нет! Только не это!

Я стремительно вскочила на ноги, едва не запутавшись в собственной одежде, и принялась лихорадочно, в панике разглядывать окрестности нашего лагеря, проверяя каждый куст, каждое дерево.

Вся зона вокруг костра была абсолютно чистой и безопасной, никаких признаков вторжения. Следов нарушителя, следов борьбы или чужого присутствия просто не было, словно никто и не приближался к нам за ночь.

Да и вообще, логика подсказывала, что он не дал бы мне спокойно доспать до утра, если бы действительно напал по всем правилам! Меня бы разбудили, объявили о провале, активировали артефакт переноса.

Минут пятнадцать, а может, и больше, я пыталась лихорадочно, напрягая все извилины, сообразить, в чём же дело, что произошло на самом деле. Перебирала варианты один за другим, но ни один не складывался в логичную картину. А потом медленно, с нарастающим подозрением посмотрела на грустного, жалко сидящего у костра некогда важного чиновника.

– Тебя кто-то ударил в висок, – не спрашиваю, а утвер-

жду, — или ты сам как-то умудрился?

— Я просто сидел тихо, как ты велела, — ответил тот винноватым тоном, рассеянно ковыряя палочкой безнадёжно стогревшее, превратившееся в угли жаркое. — Ты только уснула, прошло буквально пару минут, не больше, а я вдруг почувствовал резкий удар и... дальше просто провал, темнота, ничего не помню.

Это точно был тёмный мистик. Никаких сомнений, стоцентная уверенность. Удар профессиональный, выверенный.

Но тогда оставался главный вопрос. Почему он не убил Ковэрна, не прикончил объект?

Зачем вообще нужно было просто вырубать его, тратить время?

И самое странное было то, почему он меня не разбудил и не атаковал, когда я была абсолютно беззащитна.

По всем существующим правилам академии, по всем канонам теста, тёмный должен был сообщить о том, что я бесславно завалила испытание, и немедленно отправить обоих в академию через артефакт.

Но этого не произошло.

Ничего не понимаю. Совершенно ничего!

А что, если это был вовсе не тёмный, а кто-то из других щитовиков, из моих конкурентов?

Но тогда возникал другой вопрос. Что ими двигало, какая мотивация?

Простое желание оставить нас позади, вывести из игры без убийства объекта?

Но это абсурд, потому что так можно было элементарно просто обойти наш лагерь стороной, не привлекая внимания. Мы бы даже не посмотрели в их сторону, не заметили бы. Объединение сил между щитовиками было, конечно, теоретически хорошей и правильной вещью, но слишком энергозатратной и невыгодной в жёстких условиях конкуренции, когда каждый борется за место в рейтинге.

Нет, определённо не мог это быть другой щитовик. Логика не сходится.

Ладно, хватит ломать голову. Отсюда нужно срочно убираться, сматываться, пока неизвестный благодетель не передумал. Подумать обо всём этом спокойно сможем потом, когда доберёмся до финиша.

– Собираемся, уходим немедленно, – непреклонно, не терпящим возражений тоном уведомила я, впиваясь жёстким взглядом в несчастное, измученное лицо голодного мужчины.

– Может, всё-таки перекусим сначала хоть немного? – жалобно попросил он, глядя на обугленные остатки ужина. – Я очень...

– Хочешь окончательно лишиться жизни? – резко перебила я, и, посмотрев, как тот испуганно качает головой, я криво, безрадостно улыбнулась. – Тогда не давай второго шанса тому неизвестному, кто по какой-то причине милостиво

позволил нам обоим спокойно выспаться ночью. Думаю, серьёзно думаю, что подобные ошибки он точно не повторит дважды, если мы задержимся.

Ковэрн, услышав угрозу в моём голосе, моментально, с неожиданной для его комплекции прытью поднялся на ноги и принялся суетливо похлопывать себя по некогда, наверное, шикарному и дорогому пиджаку, в котором сейчас наверняка было жутко неудобно куда-либо идти, особенно по пересечённой местности, ведь это была абсолютно непрактичная одежда для леса.

– Тогда идём, я готов, – часто закивал он, изобразив на своём круглом лице максимально серьёзное выражение, которое выглядело почти комично.

Это не было забавным, совершенно. Мне сейчас вообще ничего не казалось забавным или смешным, никакого желания шутить. Внутри клокотала смесь страха, непонимания и дикой усталости.

Хотелось просто упасть навзничь прямо здесь, на землю, и отрубиться ещё на долгих десять, а лучше двадцать часов подряд, забыв обо всём.

Двигаться по лесу приходилось мучительно медленно, на мой взгляд, даже чересчур, но постоянно устающий, задыхающийся и спотыкающийся на ровном месте подопечный был тем ещё невыносимым грузом на шее.

На своих плечах физически не потащишь такую тушу, а постоянно подгонять его, кричать и угрожать особого ре-

зультата не приносит, только нервы трепать. Оставалось только методично подбодрять обещаниями того, что когда мы вернёмся в академию, он наконец-то сможет вкусно, до отвала поест и нормально отдохнуть в мягкой постели, отоспаться.

А главное, и это я повторяла особенно часто, что чем быстрее мы дойдём, тем выше шансы, что он останется жив и невредим.

Реальный шанс того, что на нас внезапно выскочит кто-нибудь из тёмных мистиков, существовал всегда, каждую секунду пути.

Сейчас, на третий день теста, все оставшиеся участники стремительно, изо всех сил направляются к заветной цели, к финишу, чтобы нагнать и обогнать оставшихся в игре щитовиков с их объектами.

Просто не было и быть не могло никаких гарантий того, что именно мы не окажемся первыми на их кровавом пути.

И если с относительными силами второй пятёрки тёмных из лучших в общем рейтинге академии, с середнячками, я ещё теоретически могу на равных побороться, есть шансы, то с такими монстрами, как Блувер (один из сильнейших) или, что ещё значительно хуже, с самим Бладом, который является потомственным тёмным мистиком в нескольких поколениях, чьи родители широко известны своей безжалостной деятельностью на весь мир и держат в страхе целые королевства. Против них точно нет, ни единого шанса.

Я не выстою, не продержусь против них и жалких пяти минут открытого боя.

Просто снесут, как пушинку. И сознательно становиться на их пути, преграждать дорогу мне совершенно не хочется, инстинкт самосохранения не молчит, поэтому жизненно необходимо прикладывать абсолютный максимум всех имеющихся сил, чтобы максимально сократить время в пути и проскочить незамеченными.

Часто я сожалею о том, что вообще сюда попала.

Сожалею настолько глубоко, что это чувство въелось в самые кости, стало частью меня, неотделимой и болезненной.

Каждое утро просыпаюсь с этой мыслью. Каждый вечер засыпаю с ней же. Она преследует меня в коридорах академии, на тренировках, во время редких минут отдыха.

Уж лучше бы была простым человеком без дара. Обычной девчонкой, что живет в деревне, помогает матери по хозяйству, учится шить или готовить, смеется с подругами на ярмарке.

Его вполне можно восполнить знаниями и спокойно пойти, скажем, в ведьмы.

Что может быть проще, чем зелья на травках варить? Собирать по лесам коренья, запоминать их свойства по толстым книгам, сушить их на чердаке, вдыхая терпкие ароматы трав, толочь в ступке под мерный перестук пестика и продавать за медяки соседям.

Лечить простуду, варить приворотные отвары для влюблённых дурочек, делать мази от ревматизма старикам.

Тихая, размеренная жизнь без постоянного страха смерти, без боли, без крови под ногтями, без кошмаров по ночам.

Если бы не смерть родителей в пожаре, я бы точно не попала в академию мистиков.

Я до сих пор помню тот день. Помню запах гари. Помню крики. Помню, как рухнула крыша нашего дома, похоронив под собой всё, что было мне дорого.

Тот проклятый огонь забрал у меня всё. Дом, семью, детство, надежды, мечты. Оставил лишь пепел и этот дар, который они называют благословением. Благословение! Какая ирония.

Это последнее место, где должен оказаться ребёнок в пятилетнем возрасте. Последнее место во всём мире. Но меня привели сюда, в эти холодные каменные стены, где детей превращают в оружие.

Но меня не спрашивали.

Никто не поинтересовался моим мнением, моими желаниями, моими страхами. Никто не спросил, хочу ли я этого. Готова ли я к этому. Понимаю ли я вообще, что меня ждёт.

Я была просто вещью, которую нужно было определить в нужное место. Сиротой с даром, что представляла ценность для империи.

Проверили дар и отправили, даже не обеспокоившись тем, насколько трудно здесь может быть. Не задумались, выдержу ли я. Выживу ли вообще. Не посчитали нужным подготовить к тому аду, что ждал меня за воротами академии.

Смогу ли я справиться с теми жёсткими условиями, в которые меня окунули, как в бочку с дерьмом. С головой, без права вынырнуть и глотнуть чистого воздуха. Без права закричать, что я не хочу. Что я не могу. Что мне страшно.

Ходить по струнке каждый день, каждый час, каждую минуту. Следить за каждым словом, каждым жестом, каждым взглядом.

Не разговаривать с себе подобными во внеурочное время, будто мы не люди, а бездушные куклы, которых заводят только на тренировках.

Даже перекинуться парой слов в коридоре считается нарушением. Даже улыбнуться друг другу может стоить наказания.

Никогда не разговаривать с тёмными несмотря на то, что очень хочется. Хочется спросить, почему. Почему они нас так ненавидят. Откуда эта злость в их глазах. Почему мы должны быть врагами с первого дня, хотя мы дети одной империи, одной земли.

Вражда с ними воспитывается в нас с детства. С того самого момента, как мы переступаем порог академии, нам вбивают в головы, что тёмные враги. Что они убийцы. Что они не знают пощады.

Тёмные ненавидят нас. Это чувствуется в каждом их взгляде, в каждом движении, в каждом брошенном клинке.

Эта ненависть живёт в их глазах, горит там, как огонь, что не гаснет никогда.

Мне трудно понять причины такого отношения, но то, что в них заложена эта эмоция – неоспоримый факт. Непреложная истина, которую нельзя оспорить, даже если хочется верить в обратное.

Они терзают светлых с первых дней учёбы. Атакуют внезапно, исподтишка, превращая нашу жизнь в непрерывный кошмар, где нельзя расслабиться ни на мгновение.

Поначалу это очень больно, когда в твою спину, бедро или плечо втыкается пика или метательная звёздочка. Так больно, что перехватывает дыхание. Так больно, что мир на мгновение окрашивается белой пеленой.

Хочется упасть и не подниматься. Кричать до хрипоты. Молить о пощаде. Свернуться клубком и ждать, когда всё закончится.

Но мы не кричим. Не просим. Не молим. Учимся терпеть эту боль, глотать её, превращать в ярость или в холодное безразличие. Превращать в топливо для тренировок, в мотивацию стать сильнее, быстрее, лучше.

Все наши тела исполосованы шрамами, будто картами прожитых битв. Я могу провести пальцами по своей спине и насчитать десятки отметин.

Каждый шрам несет в себе урок. Каждая рана становится ступенью к мастерству. Каждая капля пролитой крови означает цену выживания.

Но со временем мы учимся защищаться, работая на чистой интуиции. Тело само начинает реагировать на угрозу, минуя сознание. Мышцы сами напрягаются в нужный момент. Руки сами поднимают щит. Ноги сами отскакивают в сторону.

Именно так я определила, что за нами слежка. Не разу-

мом, а этим внутренним чутьем, которое нарабатывается годами боли, годами страха, годами постоянной готовности к атаке.

Я всегда чувствую присутствие других. Это как шестое чувство, невидимая паутина, что связывает всех мистиков на территории. Тонкие нити, что тянутся от одного к другому.

Но это работает вовсе не так, когда знаешь наверняка, где и что делает твой враг. Не так просто, как хотелось бы. Не так, как пишут в книгах для обывателей. Всё куда сложнее.

Один лес на две команды, и ты чувствуешь лишь общее присутствие, смутную угрозу, что может прийти с любой стороны. Ты знаешь, что они здесь, но не знаешь где именно.

Я чувствую, что не одна на огромной территории. Чувствую других, как тепло чужого тела в темноте. Чувствую, как собрата, так и врага, но сказать кто и где не могу.

Не могу указать точку на карте и сказать: вот он, там, за тем деревом, на расстоянии пятидесяти шагов.

Другое дело, когда враг ближе. Когда расстояние сокращается до нескольких десятков шагов. Когда воздух сгущается от близости чужой энергии.

Его присутствие оседает тревогой в груди, тяжёлым камнем, что мешает дышать полной грудью. Мешает сосредоточиться на чём-то ещё.

Но опять же, я не могу сказать, где именно он находится. Слева? Справа? За спиной? Сверху, на ветке дерева?

Это лишь общее ощущение опасности, смутный страх,

что заставляет держать щит наготове и оглядываться через каждые несколько секунд.

Всё это воспитывается в нас с первого дня. С первого урока, с первой тренировки, с первой полученной раны, с первого страха.

Всё это основополагающая часть нашей деятельности. Фундамент, на котором строится всё остальное. Кирпичик за кирпичиком, день за днём, год за годом.

Чувствовать приближение металла мы обязаны так же остро, как если бы кто-то уже чертил на коже болезненные кровавые полосы.

Мы должны ощущать клинок раньше, чем он коснётся нас. Должны знать, откуда прилетит следующий удар. Должны предугадывать движения противника так, будто читаем его мысли.

Наша жизнь зависит от этого умения. Жизнь тех, кого мы защищаем, зависит от него. Жизнь наших подопечных, что платят за нас баснословные деньги, зависит от каждого нашего движения.

И всё это ради того, чтобы стать первоклассным защитником. Ради того, чтобы в итоге нас продали, как товар на рынке, как вещь, как собственность.

Телохранителем императорской семьи или того, кто отдаст за нашу жизнь баснословные деньги. За право владеть живым оружием, что будет служить до конца своих дней. Что не предаст, не сбежит, не откажется выполнять приказы.

Мы в какой-то мере рабы, потому что ничего не можем сделать против той участи, что нам уготована. Не можем вы-
бирать. Не можем отказаться. Не можем сказать «нет».

Не можем даже мечтать о свободе, потому что свобода для нас означает смерть или нечто худшее. Потому что за победы охотятся. Потому что дезертиров возвращают и делают с ними то, после чего смерть кажется милосердием.

Размышляя над всем этим, я скоротала время. Эти мысли приходили снова и снова, как назойливые мухи, от которых невозможно отмахнуться. Они роились в голове, не давая покоя.

До цели оставалось совсем немного и меня удивляло, что никто не догнал нас, и мы никого не догнали. Слишком уж тихо было вокруг. Слишком спокойно.

Не слышно ни шагов, ни криков, ни звона металла. Это было действительно странно. Слишком тихо. Слишком спокойно. Неестественно. Странно.

– Может привал? – устало выдохнул бывший чинуш.

Голос его дрожал от усталости. Слова давались с трудом, еле протискивались сквозь пересохшее горло.

Он уже едва плёлся, обходя деревья и спотыкаясь на каждом шагу об их корни. Каждый шаг был испытанием. Каждый метр пути давался ему с мучениями.

Лицо его побледнело, покрылось потом, волосы прилипли ко лбу. Дышал он тяжело, хрипло, будто каждый вдох давался с трудом. Будто воздух стал слишком густым для его

лёгких.

Я согласно кивнула и бросила сумку под одно из деревьев, сама же уселась на пенёк. Ноги ныли от усталости, но это была привычная боль, которую я давно научилась не замечать.

Он был покрыт мхом, влажным и мягким. Я провела по нему ладонью, ощущая прохладу.

Хотя бы несколько минут передышки. Хотя бы короткая пауза в этом бесконечном марше. Хотя бы мгновение, когда можно не думать о том, откуда прилетит следующий клинок.

Ковэрн не знает, но ему всё равно не выжить. Это жестокая правда, которую я давно поняла. Понимание это пришло не сразу, но когда пришло, осело тяжким грузом.

Если я сохраню ему жизнь сейчас, то после моего выхода из академии, он умрёт под защитой, какого-нибудь малыша первокурсника, который не в состоянии ещё о себе позаботиться, не то, что о ком-то.

Зелёного юнца, что будет дрожать от страха при первой же атаке. Что растеряется в нужный момент. Что замешкается на долю секунды.

И тогда этот толстяк станет просто мишенью для тренировки тёмных. Очередной жертвой в бесконечном цикле смертей. Очередным именем в списке погибших подопечных.

Вздыхнула и вспомнила, сколько на моих руках загубленных жизней. Сколько людей умерло, пока я училась защищать. Сколько лиц промелькнуло перед глазами. Лица раз-

мытые, полузабытые, но всё равно тяжким грузом лежащие на совести.

Сколько криков я слышала. Сколько предсмертных хрипов. Сколько крови видела. На земле, на своих руках, на своей одежде.

Достаточно хорошо владеть щитами я начала буквально несколько лет назад. До этого была слишком слабой, слишком медленной, слишком неопытной. Щиты получались хрупкими, ломались под ударами, не выдерживали напора.

Вот тогда все эти смерти и прекратились, оборвав все мои моральные терзания. Оборвав ту часть меня, что ещё была человеком. Что ещё могла плакать над телами. Что ещё чувствовала вину.

Я не запоминала лиц преступников, отданных нам для обучения, как не запоминала и тех, кто этих преступников убивал.

Все они сливались в единую массу, безликую и безразличную. Просто фигуры, просто тени, просто цели для защиты или нападения.

Я помнила только одно лицо. Вернее, не лицо, а то, что видела из-за маски. Только глаза. А точнее взгляд, от которого мне до сих пор становилось не по себе. Холодный, пронзительный взгляд, что видел меня насквозь.

Что разглядел мою слабость, мою боль, мой страх. Мальчишка в маске, что метнул нож в моего первого подопечного.

го. Бросок был точным, смертельным, безжалостным. Клинок вошёл точно в сердце. Смерть была мгновенной.

Взгляд полный равнодушия и неожиданного насмешливого понимания. Будто он знал, что я чувствую. Знал, как мне больно. Знал, что я виню себя. И ему было всё равно. Ему было даже забавно.

«Он не первый и не последний, Пантера. А будешь каждый раз расстраиваться, и сама до конца обучения не доживёшь».

Эти слова я запомнила навсегда. Они врезались в память острее любого клинка. Эхом отдаются в голове каждый раз, когда очередной подопечный умирает.

Кажется, тогда я поняла гораздо больше, чем он хотел мне сказать. Поняла, что здесь нет места жалости. Нет места сочувствию. Нет места человечности. Есть только выживание. Есть только сила. Есть только умение не сломаться под грузом чужих смертей.

Гораздо.

– Есть что перекусить?

Я устало взглянула на толстяка и полезла в сумку. Пальцы нащупали остатки провизии. Хлеб зачерствел, но всё ещё съедобен.

Мне и самой невероятно хотелось есть, но нельзя. Голод грыз желудок, но я давно привыкла игнорировать его.

Голод уже давно стал привычным спутником, тупой болью в животе, которую я научилась игнорировать.

Ещё день пути, а там и накормят нормально. Надо только дотерпеть. Только продержаться ещё немного. Только не поддаваться слабости.

Организм, стресс, защита. Три основы, на которых строится моё существование. Три кита, на которых держится всё. Три столпа моего мира.

Три основы, от которых меня воротит. Воротит так, что иногда хочется выблевать всё это наружу и забыть. Забыть, что значит жить в постоянном напряжении. Забыть, что такое считать каждый кусок пищи. Забыть, что такое держать щит наготове каждую секунду.

Потому что здесь речь даже не идёт о моральных аспектах бытия. О том, что правильно, а что нет. О добре и зле. О справедливости и милосердии.

Только то, что действительно может функционировать, как часы. Чётко, механически, бездушно. Без права на ошибку. Без права на слабость.

Организм, стресс, защита.

Моё проклятие. Моё наказание.

По ветру веет её аромат.

Сладкий.

Невероятно сладкий, дурмнящий, будто мёд с чем-то неуловимым.

Даже дыхание перехватывает, когда его ощущаю. Воздух становится гуще, насыщеннее.

Это не парфюм, не мыло. Это её собственный, естественный аромат, что въедается в память острее любого клинка.

Блувер уже тоже взял след, но был сбит с толку Клиокой. Я почувствовал, как он замешкался, сбавил темп, потерял нужное направление.

Пришлось погнать её на его дистанцию, чтобы отвлечь внимание. Клиока сопротивлялась, но в итоге сделала то, что я требовал.

Блувер увязался за ней, как гончая за лисой, забыв о своей истинной цели.

Панте теперь никто не помешает. Кроме меня, но я не собираюсь ей мешать. Совсем наоборот.

Панте оставалось немного, но её значительно замедлял толстяк, доставшийся в нагрузку.

Я наблюдал за ними издали, видел, как она терпеливо ведёт его через лес, как придерживает темп, как оглядывается.

Этот жирный кусок сала тянет её назад, лишает манёвренности, делает лёгкой мишенью.

Любой другой щитовик давно бы бросил такого подопечного, но не она. Не моя упрямая Пантера. Она доведёт его до финиша, даже если это будет стоить ей победы.

Иногда я подозреваю, что Квиластр намеренно вставляет ей палки в колёса, но делает это так ненавязчиво, что не прикопаешься.

Старый лис давно заметил её потенциал и старается его задушить, пока не поздно. Боится, что светлая девчонка превзойдёт его любимчиков. Подсовывает ей худших подопечных, отправляет на самые сложные задания.

А девушка, тем временем, имеет все шансы на провал, что не выгодно ни мне, ни ей.

Не выгодно мне, потому что я вложил в неё слишком много времени. Не выгодно ей, потому что провал этого теста отбросит её на год назад, заставит пройти через весь этот ад снова.

Слишком давно я нашёл в ней ту, кто станет мне идеальным союзником.

Я видел, как она растёт, как крепнет, как из напуганного ребёнка превращается в бойца.

Видел искру в её глазах, что не гасла, несмотря ни на что. Видел силу духа, что помогала ей подниматься после каждого падения. И понял, что она та, кого я искал.

Нужно только немного перевоспитать. Убрать эти светлые

предрассудки, что вбиты в неё с детства. Научить смотреть на мир так, как смотрю я. Трезво, расчётливо, без иллюзий.

Она давно уже знает, что такое смерть, но вряд ли готова отдавать жизни без боя или, что ещё нужнее, убивать без терзаний.

Вряд ли готова переступить через ту черту, что отделяет защитника от убийцы.

А мне нужно, чтобы она могла не только защищать, но и нападать. Наносить удары первой. Без колебаний. Без угрызений совести.

Я вдыхаю её аромат снова. Моя Пантера.

Скоро ты станешь такой, какой должна быть. Скоро ты поймёшь, что мы с тобой не так уж и различны.

И я снова чувствую эту проклятую усталость, от которой сводит нижние зубы. Она накатывает волнами, захлёстывает с головой, мутит сознание.

До цели всего ничего, буквально несколько сотен метров, но Ковэрн усложняет задачу. Человеку с его весом свойственно очень быстро уставать, это я понимаю, но он делает всё возможное, чтобы сохранить собственную жизнь. Дышит тяжело, хрипит, но продолжает идти. За это ему можно отдать должное.

Я сделала ещё несколько шагов, считая их про себя, а затем замерла на мгновение, ощутив укол внутренней иголки, что пролетела перед мысленным взором. Резкая, острая вспышка тревоги. Опасность. Сейчас. Здесь.

Не размышляя, не раздумывая ни секунды, резко развернулась и буквально прыгнула на Ковэрна, валя его с ног и закрывая стремительно воссозданной копией треклонского щита. Материя послушно сформировалась под моими руками, приняла нужную форму. Имеющий вид высокого купола, он хорошо скрывает, как жертву, так и защитника.

Коротко лязгнул металл. Звук удара эхом отдался в ушах. Прилетевшая пика отскочила куда-то в сторону, но сейчас я была не способна отслеживать траекторию её падения. Всё моё существо, вся моя концентрация обратилась в ту часть

леса, откуда она прилетела. Откуда исходила угроза.

Оглянулась, напрягая зрение, и увидела тёмную фигуру за одним из деревьев вдали. Силуэт размытый, неясный, но я знала, что это враг. Парень не торопился выходить, не спешил атаковать снова, чем вызывал озадаченность. Время не на его стороне, тест идёт к завершению, однако он решил чего-то подождать. Выжидал.

И я поняла причину его медлительности, когда ещё одна игла тревоги рассекла сознание, а мою ногу пронзило острой болью. Ощущение было мгновенным и болезненным. Треклятые тёмные решили атаковать на пару!

Вот тебе раз!

Это меняло всё. Совершенно всё.

Рыкнув от злости и боли, я вылезла из-под купола, оставив под ним защищаемую тушку Ковэрна и стянула материю на маленький щиток. Нужно было экономить силы, а большой щит слишком много отнимал энергии.

Что делать с двумя убийцами одновременно я не знала. Понятия не имела. Нас не учили тому, что они могут работать в паре. Тёмные всегда действовали поодиночке, каждый сам за себя, каждый стремился доказать своё превосходство. Это вообще нонсенс! Это нарушение всех правил, которые я знала.

Встав так, чтобы видеть обоих, держать в поле зрения каждого из них, я приготовилась сражаться, и как оказалось, не напрасно. Первый стремительно бросился на меня, двига-

ясь быстро и уверенно, генерируя в руке короткий меч. Клинок материализовался из воздуха, засверкал тускло в лучах солнца.

Удар вышел сильным и едва не рассёк мне щёку, клинок просвистел в миллиметрах от кожи, но я мало внимания на это обратила. Давно привыкшая к подобной силе, к таким атакам, я была готова обороняться даже с отрубленной ногой. А сейчас вообще важно следить за вторым, чтобы он не подобрался к объекту. Его смерть – мой завал теста. Тогда у меня будет ещё один год ада на земле. Ещё один проклятый год в стенах академии.

– Сдавайся, светлая, тебе всё равно не пройти! – рыкнул мистик, его голос был полон уверенности.

Я только улыбнулась в ответ, чувствуя, как губы растягиваются в усмешку. До чего же наивен парень. До чего же самоуверен.

А в следующий миг сделала резкий выпад, вкладывая в него всю силу, сбивая того щитом с ног. На задницу не сел, слишком хорошая у него реакция, но вот в дерево впечатался спиной, что меня порадовало. Слышала, как он выдохнул от удара.

Тёмные и светлые не проводят совместные тренировочные бои. Никогда. Есть только тесты трижды в год и ежедневные атаки на расстоянии. У нас приветствуется, когда тёмные атакуют светлых, чтобы воспитать в них интуицию, чтобы научить нас чувствовать опасность. Но не приветству-

ются драки. Близний бой под запретом.

За каждую можно получить дисциплинарное взыскание, которое очень сильно бьёт по карману и здоровью. Наказания суровые, болезненные. А драки... Нет, драк нет. И всё для сохранения тактики боя каждой из расы. Чтобы тёмные не знали, как мы бьёмся вблизи. Чтобы светлые не видели их техники.

Второй ожидаемо напал. Я чувствовала, что он приближается. Короткий кинжал в сильной ладони пытался полоснуть в бок, движение было быстрым и точным, но я вовремя прикрылась. Щит встал между мной и клинком.

Жаль, что в округе не было железа. Не помешало бы увеличить радиус щитка, сделать его больше, надёжнее. Мне не хватило буквально нескольких сантиметров, чтобы провести серию безопасных ударов. Чтобы атаковать, не подставляясь.

Толкнув тёмного плечом, я со всей силы приложила его щитком, отправив на задницу. Он упал тяжело, с глухим стуком. Пока тот пытался подняться, оттолкнуться руками от земли, второй тихо подбирался к Ковэрну, крался, как хищник.

Но запущенный в него щиток вырубил парня, ударил точно в висок. Артефакт перемещения охватил его зелёным свечением и унёс за пределы испытательной площади. Для него тест провален. Один убран. А вот второй...

Второй, увидев, что я осталась без защиты и материи, что щиток улетел и не вернулся, усмехнулся одними глазами. Я

видела эту насмешку даже сквозь маску.

– Прекращай цирк. Ты уже проиграла.

Поправив свою полумаску и стерев пот со лба тыльной стороной ладони, я нервно хмыкнула. Шансов у меня и правда немного, это я понимала, но и он не входит в первую десятку тёмных, чтобы так самоуверенно об этом заявлять. Поэтому всё же полегче. Ещё можно побороться.

Покосилась на щиток, что валялся в нескольких метрах, и поняла, что добраться вряд ли успею. Слишком далеко. Кинжал в руке парня в одно мгновение вырос в нечто непонятное. Форма изменилась, клинок удлинился. Искривлённый в дугу клинок тускло блестел в свете заходящего солнца и совершенно не желал всплывать в моём воспоминании. Действительно не помню, чтобы мы изучали такой вид холодного оружия. Это что-то новое.

Сделав шаг назад, я примерилась к расстоянию до щитка ещё раз, прикинула, сколько времени потребуется, и в миг, когда тёмный сорвался с места, помчалась по направлению к нему. Ноги сами несли меня вперёд.

На последнем метре пришлось сделать сальто, перекувырнуться через голову, чтобы подобрать защиту быстро. Так лучше всего распределяется вес тела. Подхватила щиток на лету, развернулась и замерла. Ровно в тот миг, когда непонятное оружие скользнуло мне в бок. Я почувствовала, как оно входит в тело.

Резкая боль. Жгучая, всепоглощающая. Выдох. Воздух с

трудом выходит из лёгких. Собираюсь с силами и наотмашь бью краем щитка в висок парня. Вкладываю в удар всё, что осталось. Всё в одну секунду. Всё на одном дыхании.

Его мгновенно охватывает свет артефакта и уносит отсюда, как и его напарника. Зелёное свечение вспыхивает и гаснет.

И нам бы собираться и валить, но я чувствую, как подкашиваются ноги и немеет тело. Силы уходят, утекают, как вода сквозь пальцы. Падение на колени в обессиленном состоянии не самое приятное, что случается после победы над соперником. Я бы даже сказала, что крайне неприятно, ведь до финала мы ещё не дошли и нужно приложить максимум усилий, чтобы не сдаться сейчас. Нужно встать. Нужно идти дальше.

Сгибаюсь от боли и упираюсь руками в землю, стоя на коленях. Пальцы впиваются в траву, в почву. Бок жутко горит, словно раскалённое железо приложили к коже, а дыхание никак не восстанавливается. Каждый вдох отдаётся болью.

– Эй, щит, – растерянно окликает меня подопечный. – Ты же не собралась там помирать?

Голос его звучит испуганно, неуверенно.

– Да сдохнешь тут... если даже артефакт не признаёт ранение серьёзным, – проговорила сквозь зубы. – Сейчас. Минуту и я поднимусь.

Ковэрн больше не говорил. Только смотрел очень настороженно, широко раскрытыми глазами, боясь, что я действи-

тельно отброшу тут свою жизнь. Что умру прямо перед ним.

Но я собралась с силами и решила, что рано мне ещё. Слишком рано. Завалиться никак нельзя. Я должна закончить эту проклятую академию и получить должность телохранителя какого-нибудь чинуши. Это не будет свобода, настоящая свобода мне не светит, но я её заслужу за несколько лет своей безупречной верности. Выслужу право на относительно спокойную жизнь.

Конечно, я могу сбежать в какое-нибудь королевство, но... не хочу потом быть на месте Ковэрна. Не хочу стать беглецом, преступником, предателем. У меня самой были подопечные из бывших щитовиков. Двое. Дезертиры, пытавшиеся построить свою жизнь мирно и не во благо кому-то. Просто жить для себя, для своих желаний.

Всё закончилось блокировкой энергии внутри и попаданием сюда. Их поймали, вернули силой. Да, с ними было легче, поскольку они сами могли многому научить, знали приёмы, понимали тактику, но это их не уберегло от смерти. Они всё равно погибли. Это были те жизни, за которые мне больше всего, но я ничего не могла сделать. Совершенно ничего.

Стиснув зубы до боли, встала на ноги и двинулась вперёд. Каждый шаг отдавался в боку. Боль была такой сильной, что интуиция перестала работать, как раньше. Она была заглушена, забита этим ощущением. Я не чувствовала больше ничего, кроме жжения в ране.

До цели оставалось немного, совсем чуть-чуть, а каждый

шаг давался с трудом. Я постоянно оглядывалась, напрягала слух, пытаюсь обнаружить слежку, но лес безмолвствовал, как и раньше. Тишина была давящей, неестественной. Подопечный же всё сильнее начинал нервничать и это сказывалось на мне самой. Его страх передавался мне, усиливал моё собственное напряжение.

В момент, когда перед нами появилась тёмная фигура, я уже была готова к нападению, как никогда. Собрала остатки сил. Маленький щит трансформировался в изогнутый диск и полетел в тёмного с небывалой скоростью, рассекая воздух, но тот даже бровью не повёл. Даже не дрогнул.

Отклонился чуть в сторону пропуская угрозу мимо и взглянул с насмешкой. Я видела эту усмешку в его глазах.

– Это всё, Панта?

Он знает моё имя. Он меня знает.

Выдохнула, прикрывая бок ладонью и ответила, стараясь держать голос ровным. Не показывать слабость. Не давать ему понять, насколько мне больно. Насколько я на пределе.

– Ты не нападаешь.

Это прозвучало скорее как констатация факта, чем вопрос. Он стоял передо мной, спокойный, расслабленный, и не делал ни единого движения в мою сторону. Просто наблюдал. Изучал.

– Даже если нападу, ты не защитишь своего толстячка, – в его голосе так же ощущалась насмешка. Она была в каждом слове, в каждой интонации, будто вплетена в самую ткань речи.

Мне показалось, что это его основная манера поведения. Говорить гадости, улыбаясь. Издеваться, наслаждаясь чужой слабостью. Ранить словами так же метко, как и клинками. Превращать каждую фразу в оружие.

– Это можно проверить, – ответила я, стараясь вложить в голос больше уверенности, чем чувствовала на самом деле.

Попытка блефа. Слабая, жалкая попытка, но другого выхода у меня не было. Нужно было показать, что я всё ещё способна сражаться. Что я не сдамся просто так.

– Брось, Пантерёныш, я здесь не для этого, – тёмный навалился на дерево и демонстративно сложил руки на груди.

Это прозвище. Откуда он его знает? Кто вообще этот парень?

Поза расслабленная, небрежная, почти ленивая. Он явно не считал меня угрозой. И был прав, если честно. Хвост пепельных волос свисал с плеча, блестел в лучах солнца, пробивающихся сквозь листву, и мне внезапно вспомнился мальчишка. Тот самый, что убил моего первого подопечного много лет назад. Тот, чьи слова навсегда врезались в память.

Кажется, он тоже был пепельным блондином. Те же холодные глаза. Та же усмешка. Та же манера держаться. Неужели это он?

– А для чего? – хрипло спрашиваю я. – У меня нет времени на разговоры.

Каждое слово давалось с трудом. Дыхание сбивалось, в горле пересохло. Нужно было двигаться дальше, идти к цели, но ноги словно налились свинцом. Тело отказывалось слушаться.

И тут парень обратил внимание на мою ладонь, прикрывающую рану. Взгляд его задержался на этом месте, стал внимательнее, острее. В лице не изменился абсолютно, ни один мускул не дрогнул, маска безразличия осталась на месте, а вот меня раскрытие моей слабости насторожило.

Он видел, что я ранена. Видел, что я на пределе. Видел, что ещё немного – и я рухну. И это давало ему огромное преимущество.

Вместо ответа, он резко выхватывает буквально из возду-

ха метательный нож. Движение было молниеносным, практически незаметным для глаза.

Я едва успеваю отреагировать формированием нового щита, материя послушно сворачивается под моими пальцами, принимает нужную форму, но нож мчится не в меня. Траектория совсем другая. И даже не в Ковэрна, который замер за моей спиной, прижавшись к дереву.

Он летит вправо, туда, где, казалось бы, никого не было, где был только лес, и оттуда доносится мужской стон, глухой и болезненный, после чего я вижу вспышку зелёного света. Артефакт перемещения. Ещё один тёмный был здесь. Ещё один враг, о котором я не знала. Ещё одна угроза, которую я не почувствовала.

Смотрю потрясённо на блондина, не веря своим глазам, не понимая, что только что произошло, но тот улыбается одними глазами, машет рукой небрежно, как старому знакомому, и уходит прочь, ничего не объясняя.

Просто разворачивается на каблуках и исчезает между деревьями. Растворяется в тени. Оставляет меня стоять с открытым ртом, с тысячей вопросов в голове и полным непониманием происходящего.

Тёмные не помогают светлым. Никогда. Это против всех правил, против всей их природы.

Я не сразу прихожу в себя. Стою, словно вкопанная, пытаюсь осмыслить происходящее. Мысли путаются, отказываются складываться в единую картину.

Ещё несколько мгновений тупо стою на месте, не в силах сдвинуться с места, пытаюсь понять его мотивы, разгадать, что им движет, зачем ему всё это нужно, какую игру он ведёт, но так и не разобравшись, не найдя ни единого разумного объяснения того, что только что произошло, рычу на притихшего за деревом Ковэрна. Голос срывается на хрип, звучит грубее, чем я хотела. Почти по-звериному.

– Идём!

Он выбрался из-за своего укрытия, отряхнул одежду дрожащими руками, стряхивая с себя листья и грязь, и мы двинулись дальше.

Каждый шаг отдавался болью в боку, пульсирующей, жгучей, нестерпимой, но я продолжала идти. Останавливаться нельзя. Сдаваться нельзя. Не сейчас, когда финиш так близко, когда осталось совсем немного.

Через несколько сотен метров нас ждало здание. Серые каменные стены, высокие окна, массивные двери из тёмного дерева, окованные железом. Финиш. Конец этого кошмара.

И ни одна живая душа не поджидала нас на выходе, что было очень странно, необычно, даже подозрительно,

ведь именно здесь старались перехватить оставшихся в игре участников. Здесь устраивали последние засады, наносили финальные удары, пытались сорвать чужой успех в последний момент. Здесь решалась судьба многих, здесь ломались последние надежды тех, кто дошёл так далеко.

Но сейчас было тихо. Слишком тихо. Мёртвая тишина, что давила на уши, заставляла напрягаться ещё сильнее, ждать подвоха.

Спокойно пройдя вдоль стены, держась в тени, прижимаясь к холодному камню спиной, ощущая его шершавую поверхность сквозь одежду, мы прошли через арку и встретились там с тем же блондином и комиссией, которая следила за ходом тестов.

Он стоял в сторонке, облокотившись на стену, скрестив ноги в лодыжках, и наблюдал за происходящим с той же насмешкой в глазах. Будто всё это было для него просто развлечением. Очередным спектаклем, который он поставил сам.

Ректор стоял у тумбы, опираясь на неё руками, глядя на провалившихся адептов с таким выражением, будто обещал каждому придушить собственноручно, что не сильно далеко от истины, зная его характер. Лицо его было красным от гнева, жилы на шее вздулись, челюсти сжаты так, что проступали желваки. Я почти физически ощущала его ярость, она висела в воздухе, густая и тяжёлая.

Я узнала, что среди прошедших тест всего десять участников, из которых я единственная девушка. Десять из почти

сотни. Это был жестокий отбор. Самый жестокий за последние годы, судя по лицам профессоров, по их напряжённым позам, по тому, как они перешёптывались между собой.

Обратила внимание на то, что Флир – среди заваливших, стоит в толпе неудачников с опущенной головой, и немало этому удивилась. Она всегда была лучшей, безупречной, идеальной. Никогда не ошибалась, никогда не подводила, никогда не показывала слабость или сомнение. Она первая в стане щитовиков. Уж кто-кто, а Флир должна была прийти первой к финишу. Что же пошло не так? Кто её остановил? Кто оказался сильнее безупречной Флир?

– Поскольку последний участник тестов дошел до конца, объявляю их итоги! – громко проговорил ректор, обводя нас взглядом, задерживаясь на каждом лице, словно запоминал. Голос его звучал торжественно, но в нём слышалась усталость, какая-то выжатость, будто он тоже прошёл через испытание. – Это информация особо не разглашается, держится в строжайшем секрете за стенами академии, но раз в пять лет, лучшие adeпты академии мистиков отправляются на императорский бал, чтобы представлять академию и её новые разработки, демонстрировать достижения перед всей знатью империи. Это честь и огромная ответственность. Это возможность, которая выпадает раз в жизни, если выпадает вообще.

Бал? Императорский бал? Я даже ни разу не слышала о таком. За все годы обучения никто ни словом не обмолвился,

даже намёка не было, ни шёпота в коридорах, ни случайно оброненной фразы. О чём вообще речь?

Кто-то из победителей пойдёт на поклон к императору? Будет стоять перед троном, демонстрировать свои навыки перед всем двором, перед знатью империи, перед самыми влиятельными людьми страны? Радует, что я не в числе первых. Пятое место – это достаточно далеко от вершины. Меня это не коснётся. Я просто получу свою оценку и уйду лечиться, забуду об этом кошмаре.

Бок всё так же горел огнём, жёг нестерпимо, словно раскалённое железо прижали к коже и не убирают, продолжают жечь, но теперь перед глазами плясали ещё и искры. Белые, яркие вспышки, что мешали сфокусировать взгляд, мешали думать. Мир становился размытым, нечётким, двоился, плыл перед глазами.

Поскорее бы всё это уже закончилось. Пойду к лекарям залечить рану. Нужно только продержаться ещё немного. Ещё чуть-чуть. Ещё пару минут, и всё будет позади.

– Перечислю лучших из лучших тёмных по результатам теста: Блад, Блувер, Полст, Хэтэр, Авис, – ректор оглядел каждого из названных и продолжил. Тёмные выпрямились, услышав свои имена, расправили плечи, подняли подбородки. Гордость читалась в их позах, в том, как они держали головы, в том, как смотрели на остальных. – Среди лучших светлых отличились: Дамьен, Прок, Сулиз, Гвайш, Пантера.

Я вздрогнула, услышав своё имя в конце списка. Пятое

место среди светлых. Не так уж плохо, учитывая обстоятельства. Учитывая, через что пришлось пройти. Учитывая, что я чуть не умерла там, в лесу.

Общий рейтинг мистиков: Блад, Дамьен, Блувер, Авис, Пантера, Полст, Прок, Сулиз, Гвайш, Хэтэр. – ректор поднял на нас взгляд. Тяжёлый, оценивающий, будто взвешивал каждого из нас, прикидывал нашу ценность. – Обычно принято отправлять на бал первое и второе место, так было всегда, такова традиция, но из императорского дворца мы получаем чёткие инструкции, которые не можем не соблюдать, которым обязаны подчиниться. Император имеет право выбирать. Его воля – закон для всех нас.

Мне было плевать, что они там могут, а что нет. Голова начинала кружиться всё сильнее, и я едва ли держалась на ногах. Ноги подгибались, мир качался, словно палуба корабля в шторм, земля уходила из-под ног. Я сжала кулаки, впинаясь ногтями в ладони, пытаюсь удержаться на месте, пытаюсь не упасть прямо здесь и сейчас.

– Поэтому на бал едет Блад, занявший первое место и девушка в десятке лучших.

Что?

Слова не сразу дошли до сознания. Я переварила их медленно, по слогам, прокручивая в голове снова и снова, не веря услышанному. Девушка в десятке лучших. Единственная девушка. Я. Это я. Это обо мне. Меня посылают на императорский бал.

Я перевела взгляд на единственного тёмного, который улыбался одними глазами, смотрящего прямо на меня, не отрывая взгляда ни на мгновение, не моргая. Не отводил ни на секунду, будто гипнотизировал, будто держал меня силой воли.

Другие тёмные его поздравляли, хлопали по плечам, жали руки, обнимали, радовались за своего лидера, за того, кто принёс им честь, а я понимала, что влипла. По-настоящему влипла. Потому что это он только что помог мне прийти к финишу. Убрал конкурентов, расчистил путь, манипулировал ситуацией так ловко, что никто ничего не заподозрил, никто даже не заметил. Это была его игра с самого начала. Он всё спланировал, всё просчитал.

Блад. Именно так зовут самого жестокого убийцу среди адептов нашей академии. Легенду, кошмар, воплощение смерти, о котором шепчутся в коридорах, чьё имя произносят с опаской.

Именно он убил моего первого подопечного много лет назад, одним точным броском, не дав мне даже шанса защитить. Тот самый мальчишка, что цинично сказал мне однажды, что среди них будет ещё много мертвецов. Что я не должна расстраиваться, что нужно просто принять это, смириться. Что такова наша жизнь, наша судьба, наш путь.

И он смотрел мне в глаза и улыбался. Улыбался так, как умели мистики, нижняя часть лица которых всегда прикрыта маской. Одним взглядом. Одними глазами. И в этой улыбке

читалось столько всего – удовлетворение, торжество, предвкушение чего-то, что ждёт нас впереди. Что-то хищное, опасное, что заставляло меня напрягаться ещё сильнее, что пробуждало во мне первобытный страх.

В голове зашумело, звуки стали приглушёнными, словно вата заткнула уши, словно я оказалась под водой, голоса превратились в неразборчивый гул, лица размылись, и недомогание и боль в боку стали невыносимыми, захлестнули с головой.

Тело отказывалось слушаться, отказывалось держать меня, силы покидали. Я до последнего смотрела на него. Не могла оторвать взгляд. Не могла отвернуться, словно он держал меня силой воли, будто приковал невидимыми цепями.

Ровно до момента, пока в глазах не потемнело окончательно. Тьма накрыла меня, как тяжёлое одеяло, поглотила без остатка, затянула в бездну. Последнее, что я видела – его глаза, прожигающие меня насквозь, пронзительные и всевидящие. Последнее, что я чувствовала – как ноги подкосились, и я начала падать в пустоту, в темноту, в небытие.

9

Девчонки странные создания. Хрупкие, слабые, податливые и мягкие, но порой такие негибачаемые, что из себя выводят. Противоречивые, непредсказуемые, способные удивить в самый неожиданный момент. Ломаются там, где должны устоять, и стоят, где должны сломаться.

Но тем не менее есть те, которых хочется на руках но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.